

Ишмухаметов А.Х.

старший преподаватель

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и

технологии

Россия, г.Стерлитамак

Багаутдинова И.Р.

студент 6 курса юридического факультета

Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и

технологии

Россия, г.Стерлитамак

ПРОБЛЕМЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА ПРИ РЕАБИЛИТАЦИИ

***Аннотация:** Статья посвящена проблемам компенсации морального вреда в рамках реабилитационной процедуры. Трудностями, которые не способствуют обеспечению единообразия правоприменительной практики, являются отсутствие разработки в рамках уголовно-процессуального законодательства единого понятия “моральный вред”, а также процессуальных аспектов его исчисления. Имеется специальный запрос на разработку единой методологии в области определения размера денежной компенсации за моральный ущерб. В статье анализируются различные идеи о способах унификации существующего регулирования и делаются авторские выводы.*

***Ключевые слова:** реабилитация, незаконное и необоснованное осуждение, незаконное и необоснованное уголовное преследование, невиновный, моральный вред, компенсация морального вреда.*

PROBLEMS OF COMPENSATION DURING REHABILITATION

***Annotation:** The article is devoted to the problems of compensation for moral damage within the framework of the rehabilitation procedure. Difficulties that do not contribute to ensuring uniformity of law enforcement practice are the lack of development within the framework of criminal procedural legislation of a unified concept of “moral harm”, as well as the procedural aspects of its calculation. There is a special request for the development of a unified methodology in the field of determining the amount of monetary compensation for moral damage. The article analyzes various ideas on ways to unify existing regulation and draws the author's conclusions.*

***Key words:** rehabilitation, illegal and unfounded conviction, illegal and unfounded criminal prosecution, innocent, moral damage, compensation for moral damage.*

В Российской Федерации регламентация процесса реабилитации осуществляется согласно УПК РФ, устанавливающему механизмы восстановления нарушенных прав и свобод, а также принципы полного возмещения вреда, нанесенного лицам, которые подверглись незаконному уголовному преследованию. В контексте уголовного преследования распространение негативного воздействия охватывает как ошибки, допущенные из-за халатности или сознательных действий, так и ошибочно считающиеся правомерными действия следователей, дознавателей, прокуроров и судей.

Лица, которых незаконно подвергли уголовному преследованию и чьи права были ущемлены вследствие действий должностных органов, обладают

безусловным правом на реабилитацию и требование возмещения причинённого материального и морального ущерба в полном размере.

В соответствии с действующими положениями Главы 18 УПК РФ, обязанность компенсации ущерба, взыскиваемого с государственной казны по постановлению суда, лежит на Министерстве финансов РФ.

Надо отметить, что реабилитированные лица обладают правом на реституцию, которая охватывает материальные и моральные аспекты вреда, в нормах УПК РФ (ст. 399) и ГК РФ (ст. 1069 и 1070).

Частью 1 статьи 133 УПК РФ установлено, что право на реабилитацию включает в себя право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Вопросы компенсации за действия должностных лиц органов дознания, следствия, прокуратуры и суда регламентированы положениями статьи 1081 ГК РФ, подсчет убытков, нанесенных суверенным финансовым ресурсам в связи с неправомерными действиями официальных лиц, должно быть строго ограничено временным промежутком, в течение которого произошло нарушение прав тех граждан, которым впоследствии предоставлена реабилитация. Важно учесть, что к возмещению в рамках данных потерь относятся затраты на содержание под стражей в учреждениях ФСИН, а также иные финансовые выплаты, связанные с осуществлением временных ограничений[1, с. 25-28].

Учитывая особенности правовой защиты лиц, подвергшихся незаконному уголовному преследованию, следует отметить, что государство освобождает их от необходимости подтверждать обоснованность требований о компенсации причиненного материального вреда. Установленный законом трехлетний срок исковой давности для требований о возмещении имущественного вреда исчисляется с момента, когда реабилитированное лицо обретает официальную информацию о праве на компенсацию, что

зафиксировано в соответствующих судебных или процессуальных документах.

Обязанность гражданина доказывать компенсацию причиненного ущерба несправедливо, поскольку это связывает его с доказательством собственной невиновности, “он не может подвергаться излишним обременениям как более слабая сторона в такого рода правоотношениях”.

Отказ в удовлетворении требований реабилитированного лица не допускается только на основании того, что заявителем не представлено доказательств их подтверждающих.

Размер компенсации, присужденной лицу, получившему реабилитацию, не подлежит уменьшению по причине того, что данное лицо осуществляло оплату за юридическую помощь не одновременно, а через периодические платежи, будь то ежемесячные или по квартальные взносы.

Преимущественно это касается тех ситуаций, когда необходимость в судебной защите возникает вследствие длительного характера уголовного преследования с периодическими прекращениями и последующими возобновлениями судебного разбирательства, что в свою очередь принуждает подсудимого (или подозреваемого) нести чрезмерные расходы на оправдательные процедуры, защищая свои законные интересы.

Следует учитывать, что незначительная часть затрат на содержание осужденных лиц удерживается из их заработной платы в соответствии с ч. 4 ст. 99 Уголовно-исполнительного кодекса РФ, предписывающей, что “осужденный, получающий заработную плату или пенсию, возмещает стоимость питания, одежды, коммунально-бытовых услуг и индивидуальных средств гигиены (кроме стоимости специального питания и специальной одежды)”.

Очень часто в обращениях (жалобах), адресованных в организации, осуществляющие надзор за деятельностью УИС, осужденными указываются грубые, по их мнению, нарушения трудового законодательства – а именно

размеры их заработных плат, которые часто значительно меньше МРОТ. Потому дебаты о полной компенсации издержек, затраченных на пребывание осужденных в местах лишения свободы, становятся бессмысленными.

Возвращаясь к возмещению вреда в порядке регресса при реабилитации, расчет суммы убытков, которые понесла казна, должен исчисляться путем сложения выплат имущественного вреда и компенсации морального вреда, взысканных по судебному решению, а также выплат из федерального бюджета на содержание одного реабилитированного в конкретном учреждении уголовно-исполнительной системы. В процессе урегулирования вопросов, касающихся компенсации материального ущерба, особенные затруднения возникают при рассмотрении случаев, где одно лицо обременено обвинениями в совершении множественных преступлений, различающихся по степени тяжести.

Определение размеров компенсации за юридические услуги предусматривает оценку тяжести статей входящих в совокупность, сложности проведения уголовного разбирательства, а также факторы, повлиявшие на решение об оправдании либо о прекращении дела. В этом контексте приоритет получают масштабы работы, выполненной защитником, включая обширность привлеченных процессуальных и следственных процедур, общую громоздкость досье, а также иные значимые для дела аспекты.

Изучая возможности для реабилитированных лиц в деле получения компенсации за незаконное уголовное преследование, важно провести всесторонний анализ механизма предъявления заявления о возмещении затрат, понесенных в связи с рассмотрением его ходатайства о возмещении имущественного вреда.

Учитывается, что лицо может инициировать требование о покрытии понесенных расходов как одновременно с иском о возмещении вреда, так и после. Это подчеркивает необходимость в уточнении нормативных рамок регулирования данного вопроса, принятие четких рекомендаций для

облегчения доступа к справедливому рассмотрению требования лица, чья невиновность была доказана.

При анализе реабилитации с точки зрения компенсации ущерба, нанесенного российскому фискальному бюджету, следует учитывать как денежные средства, изъятые из федеральной казны на пребывание реабилитированного в учреждении уголовно-исполнительной системы, так и общую величину финансовых санкций, взысканных по решению суда. По справедливому замечанию, "сформировавшееся в правоохранительных органах чувство безнаказанности, приводящее к допущению незаконных действий при расследовании и разрешении уголовных дел, требует пересмотра персональной материальной ответственности каждого из субъектов правоприменения"[2, с. 28].

Пересмотр норм, касающихся механизма, связанного с индивидуальной ответственностью должностных лиц органов следствия, дознания, прокуратуры и суда, как указано в п.1 статьи 1070 Гражданского кодекса Российской Федерации, несомненно, станет барьером для совершения противоправных действий и принятия неправомερных решений. Кроме того, это обеспечит эффективное применение регрессных исков Федеральным казначейством, нацеленных на компенсацию издержек, вызванных необходимостью возмещения вреда, нанесенного реабилитированным, и покрытием расходов на их содержание в учреждениях исполнения наказаний.

Несмотря на возведение в абсолют необходимости законности в действиях государственных служащих, механизмы регресса, задействуемые Минфином РФ для взыскания расходов бюджета в связи с реабилитацией граждан, к сожалению, не лишены дефектов. Такие недочёты уменьшают вероятность компенсации государственными органами потеранных в результате таких действий средств. На практике регресс к должностным лицам, чьи поступки — результат произвола, приводящие к компенсации ущерба реабилитированным, следует оценивать в плане эффективности

данного метода. В то же самое время, проблема иммунитета среди представителей правоохранительных структур от ответственности способствует периодическому возникновению неправомерных действий при уголовном разбирательстве и расследовании. Это обуславливает необходимость в детальном пересмотре материальных санкций, затрагивающих каждого участника в процессе применения закона, и как стимул - к внимательному и ответственному подходу при вынесении процессуально-правомерных решений.

Обратимся к вопросам взыскания морального вреда.

В практике наблюдаются проблемы понимания морального вреда и его оценки. Отсутствуют унифицированные параметры, позволяющие измерить степень и выраженность физических и нравственных страданий. Компенсация морального вреда, несмотря на ее материальную природу, лишь отчасти восполняет нравственные последствия незаконных действий, вызвавших негативные переживания. Учитывая, что каждый человек обладает уникальными способностями к преодолению стрессовых состояний, подобное возмещение в итоге выступает лишь символическим жестом.

Хотя физические страдания и их влияние на здоровье человека могут поддаваться анализу на основе длительности и масштабов повреждения, сложность представляет ситуация, когда речь заходит о душевном дискомфорте. Стрессоустойчивость каждой отдельной личности, ее эмпатия и уровень эмоциональных переживаний, делают вопрос оценки душевных страданий весьма неоднозначным. В этом контексте исследователи приходят к консенсусу о том, что оценка морального вреда требует субъективного подхода, что, в свою очередь, усложняет формирование общепризнанных методик их оценивания.

Вопрос соотношения присужденной компенсации с реально понесенными душевными страданиями является не только философским, но и юридическим. Потерпевшие часто сталкиваются с тем, что судебная система

не в состоянии предложить достаточно средств для того, чтобы существенно компенсировать моральный вред. Следовательно, суммы, заявляемые пострадавшими как весомая компенсация за незаконное уголовное преследование, зачастую остаются несоизмеримыми с причиненными страданиями и в наилучшем случае могут лишь частично исправить существующее положение. Таким образом, в законодательстве и правоприменительной практике существует противоречие поиске оптимального баланса между объективной оценкой нематериальных потерь и предлагаемой компенсацией.

В результате пересмотра дела О., которая подверглась незаконному уголовному преследованию, апелляционной инстанцией было вынесено определение о возмещении морального вреда. Изначально суд первой инстанции назначил компенсацию в 20 тыс. рублей, но Верховный Суд РФ признал это решение неаргументированным. Повторное рассмотрение дела привело к выплате в 300 тыс. рублей в качестве компенсации за моральный вред, принимая в расчет ухудшившееся состояние здоровья истца, её эмоциональные страдания и другие обстоятельства дела. Верховный Суд РФ признал данное решение в части компенсации морального вреда в размере 20 тыс. рублей не мотивированным и направил дело на новое рассмотрение. Апелляционной инстанцией дело было пересмотрено, в результате размер морального вреда был установлен в размере 300 тыс. рублей.

Согласимся с мнением, что в этом случае "возникает парадоксальная ситуация: государство требует оценить нанесенный моральный вред в денежном выражении, которое, по мнению потерпевшего от незаконного уголовного преследования могло бы загладить негативные последствия, но при этом полностью данный вред не возмещается, так как суда признают его несоразмерным причиненному вреду"[3, с. 194]. В судебной практике, обязанность денежного выражения морального вреда ложится на плечи судебной инстанции. Взыскивается адекватная сумма возмещения, не

превышая максимума, указанного потерпевшей стороной, учитывается и личность реабилитированного[4, с. 38].

При изучении практики о компенсации морального вреда при рассмотрении требований по частичной реабилитации, можно сказать, что также отсутствует единый подход как в гражданском, так и уголовно судопроизводстве.

Истец обратился в суд с иском к Министерству финансов Российской Федерации о взыскании денежной компенсации морального вреда в сумме 200000 рублей. В обоснование иска указал, что на основании вступившего в законную силу приговора Коношского районного суда Архангельской области от 22.10.2019 по делу № 1-50/2019 был оправдан по обвинению в совершении преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 327 УК РФ, на основании п. 1 ч. 2 ст. 302 УПК РФ, т.е. в связи с неустановлением события преступления, за ним признано право на реабилитацию. Утверждает, что в связи с привлечением к рассматриваемой уголовной ответственности он испытал значительные нравственные страдания, переживания. Суд, без указания причин, признал право истца на частичную реабилитацию и удовлетворил требования в размере 15000 рублей из заявленных 200000 руб.

При частичной реабилитации затруднительно определить объем возмещаемого вреда, в связи с тем, что для этого необходимо отделить и доказать, что вред был нанесен уголовным преследованием в части конкретного обвинения[5, с. 134].

Таким образом, принятые судебными инстанциями решения о признании права на реабилитацию не имеют юридического значения для суда которая рассматривает требования о компенсации морального вреда лицам, в отношении которых уголовное преследование было прекращено частично по реабилитирующим основаниям в гражданском судопроизводстве. В этих случаях право лица на компенсацию морального вреда не презюмируется, суду вменяется обязанность установления факта причинения морального

вреда, оценки действий органов или должностного лица с точки зрения их обоснованности и законности, установления причинной связи между действиями причинителя и наступившим вредом, а также определения размера возмещения вреда.

Список использованных источников

1. Зубков В.Н., Гусева И.И. Какова цена незаконных действий должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда при реабилитации? // Российский судья. 2020. N 4. С. 25 - 28.
2. Зубков В.Н., Гусева И.И. Указ. Соч. С. 28.
3. Подаюрова Т.М. Проблемы возмещения морального вреда при реализации права на реабилитацию // GlobalandRegionalResearch. 2023. Т. 5. № 3. С. 189-196. С.194.
4. Никерина Т. А. Моральный вред: проблемы теории и судебной практики / Т. А. Никерина, Н. В. Фирсова, Е. Н. Баширина // Colloquiumjournal. – 2020. – № 3-10 (55). – С. 37–39. С. 38.
5. Хегай В.А. Актуальные вопросы процессуальной регламентации частичной реабилитации // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2020. № 11-2 (50). С. 133-135. С.134.